

✦ Колонка редактора

Ю.М. РЕЗНИК, М.В. ТЛОСТАНОВА

ЕЩЕ РАЗ ОБ ЭТОСЕ ГУМАНИТАРНЫХ УЧЕНЫХ (в порядке диалога, часть 2)

***Аннотация:** В центре внимания размышляющих и полемизирующих друг с другом авторов этой работы стоят проблемы осмысления природы и различия социального и гуманитарного знания, смены парадигм в современной философии науки, причин отставания отечественной гуманитарии от мировой, а также пути выхода из этого кризиса. Авторы предлагают свои варианты ответов на эти вопросы. Среди них особое место принадлежит концепции трансперсональности и деколонизации (со)знания.*

***Abstract:** The focus of the two authors' reflection and debate in this paper is on the problematic of the nature and differential of the humanities and social sciences; the shifting paradigms in contemporary philosophy of science; the reasons for the Russian humanities lagging behind the global trends, as well as the ways out of this crisis. The authors suggest their own answers to these questions. Among them the most important are the transpersonal approach and decolonizing of knowledge and thinking.*

***Ключевые слова:** ученые, диалог, этос, гуманитарные науки, социальные науки, архитектура знания.*

***Key words:** scientists, scholars, dialogue, ethos, humanities, social sciences, architecture of knowledge.*

О преимственности и этосе отечественных гуманитариев

***Ю.М.:** Я полагаю, что этос ученого, в т.ч. гуманитария, включает в себя не только элементы его самосознания, но и формы самопрезентации. Последнее предполагает своеобразную маскировку и маркировку наших гуманитарных коллег. Так, по способам*

Резник Юрий Михайлович — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН, заместитель директора Российского института культурологии (Москва). E-mail: reznik-um@mail.ru.
Тлостанова Мадина Владимировна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры философии Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, ведущий научный сотрудник Российского института культурологии (Москва). E-mail: mydina@yandex.ru.

самопрезентации, проявляющимся в текстах работ и выступлениях, можно выделить несколько противоположных типов гуманитариев и социальных исследователей — «классики», апеллирующие к традиционным критериям научности, и «неклассики» или «постнеклассики», допускающие иные, в т.ч. внерациональные критерии и ценностные основания построения научного знания, «технократы» («инженеры человеческих душ», «социальные инженеры» и пр.) и «гуманисты». По этому основанию мы можем различать также образы «позитивистов» и сторонников «понимающей» науки в гуманитарии.

Многие наши коллеги, особенно представители старшего поколения, продолжают отстаивать требования научности, заимствованные из прошлой эпохи. Они не участвуют в междисциплинарном дискурсе, сохраняя свою приверженность предметному и узкодисциплинарному подходу, в котором границы между науками четко закреплены. Другие, напротив, склонны изобретать заново велосипед, предлагая и отстаивая иные названия якобы новых наук (например, акмеология, «гуманология», «витология»). Среди них есть люди, которых я глубоко уважаю за их человеческие достоинства. Так, например, в свое время В. С. Барулин, преодолевая в себе рудименты истмата, предложил новое направление — социально-философскую антропологию, которое, на его взгляд, должно было преодолеть ограничения социологизма и антропологизма. При этом он рассматривал ее как новую философскую дисциплину.

Как бы Вы могли прокомментировать мои типологические наблюдения? Не кажется ли Вам, что сами гуманитарии преуспевают в подготовке собственных похорон, размывая предметное поле гуманитарных наук?

М.В.: Я знаю Вашу любовь к типологиям и таксономиям, Юрий Михайлович, и ее не разделяю, потому что я — гуманитарий, а Вы — социальный теоретик. Мы мыслим и членим реальность по-разному. Но всё же, попробую ответить на Ваш вопрос или скорее,отреагировать на Ваше размышление. В принципе, Вы сами уже определили в своей классификации принадлежность тех или иных ученых к разным эпохам и направлениям в разворачивании знания (классика, неклассика, постклассика, постнеклассика и т.д.). Я же вслед за Луисом Гордоном называют это «дисциплинарным декадансом» и пролиферацией все более узких и экзотических дисциплин или, вслед за Челой Сандоваль, могу обозначить это как «дисциплинарный апартеид».

Ю.М.: В той степени, в какой я проявляю склонность к таксономиям и типологиям, Вы, Мадина Владимировна, — непревзойденный мастер навешивания научных ярлыков. Думаю, что это тоже таксономии, но другого рода. Вам трудно в этом даже самой себе сознаться. Но это так. Ну что Вас так эта дисциплинарность раздражает. Ведь Вы прекрасно понимаете, что в науке, как и в божественном предначертании, должно быть «каждой твари по паре». В ней есть место и для дисциплинарности, и трансдисциплинарности. Вот только последняя что-то у нас, как во всем мире, не очень сильно приживается.

М.В.: Вы знаете, Юрий Михайлович, можно, конечно, любой термин, любое понятие назвать ярлыком, потому что, по сути, они ими и являются. Ярлык в данном случае — нормальное безоценочное понятие. И любой ученый создает свои ярлыки, ни у кого нет монополии на истину, в том числе и у нас с Вами. С таксономиями все несколько сложнее, поскольку их цель — отделить свое от чужого, в основе лежат европоцентризм и эпистемологический расизм. В этом меня обвинить сложно... А вообще я лишь указала в своем ответе, что мы по-разному членим реальность — извините, что приходится повторять, но это важно. Я не сказала, что Ваше членение хуже,

а только то, что я не разделяю Ваших схем и типологий. Чувствуете разницу? А критика дисциплинарного декаданса как понятие или ярлык, называйте его как Вам нравится, суть-то не изменится, как раз призывает увидеть причины и формы этого метастазирования, и главное, предложить пути его преодоления для - внимание! – «сохранения дисциплин и их возрождения».

Подробнее говорить не буду – в статье Гордона, опубликованной в нашем журнале, всё написано [1]. Но обратите внимание, что ни Гордон, ни я нигде не призываем отказаться от дисциплинарности, хотя нам это и пытаются приписать те ученые, для которых принадлежность дисциплине важнее сути, содержания их исследований. Такие искажения неизбежны, поскольку любой текст, в т.ч. и научный, рождается, по Р. Барту, в своем предназначении, и сколько читателей со своими интерпретациями, столько и «предназначений» у текста. Я не согласна с Вашим тезисом о том, что междисциплинарность и даже постдисциплинарность не приживаются в мире. Соглашусь, что в России с этим большие проблемы, но в остальных пространствах это совершенно не так. Могу привести массу примеров новых специальностей и научных направлений такого рода, но интервью – не подходящее место для подобных перечислений.

Хотя и за границей остается много приверженцев узких дисциплин, методологий и методик. Стоит за этим чаще всего корыстная цель – скрыть за частоколом дисциплинарных подпорок отсутствие мысли и своего «проекта» (не в современном смысле коммерческого предприятия, а некоего экзистенциального и гносеологического самовоплощения). Поэтому тот же ВАК изобретает бесконечно плодящиеся микроспециальности и, поощряя профессиональный кретинизм, даже периодически запрещает соискателям переходить из одной области в другую. За этими, казалось бы, частными вопросами стоит феномен колониальности знания в его специфической позднемодерной форме, и дисциплинарного декаданса как стремления сохранить все более узкие дисциплины как таковые, как пустое означающее, вместо того, чтобы заниматься решением проблем, пересекающих дисциплины, связанных с всё более сложной социальной, культурной и художественной реальностью современного мира. Болезненный интерес к дисциплинарной демаркации или пролиферации возникает, когда нечего сказать по существу, когда надо спрятаться за дисциплину. В этой ситуации необходимо «телеологические откладывание» или отсрочка дисциплинарности – ее превосходение с целью ее же возрождения при условии сохранения верности реальности, жизненному миру.

Ваши опасения по поводу размывания поля гуманитарных наук я не разделяю, более того, я считаю, что оно и должно размываться, это совершенно нормально. Это единственный способ сохраниться. А вот как раз стоять на охране рубежей предметности и закрытой методологичности – это тупик. Нужно непременно и сам метод сделать объектом вопрошания, усомниться в его онтологическом статусе, осознав, что метастазирующее знание деонтологизируется и застывает. Из него уходит целеполагание, оно скатывается к солипсистской радиодичее и начинает сводиться к набору дисциплинарных ритуалов, чей смысл уже давно утрачен. Так что, размывание поля – это не конец науки, а ее возрождение, связанное с освобождением от дисциплинарного декаданса.

Ю.М.: С этим можно и поспорить. Беда не в дисциплинарности, как таковой. В ней ничего плохого не вижу. А в тех формально-бюрократических барьерах, которые

возводятся на пути развития гуманитарного (и не только) знания, как дисциплинарного, так и междисциплинарного. Мне думается, что именно здесь зарыта собака.

Однако вернусь к теме разговора. Мне часто приходилось встречать в жизни исследователей, которые говорят о своей приверженности той или иной парадигме, пишут тексты в её русле, а в жизни демонстрируют зачастую прямо противоположные установки и поступки. Например, один наш общий знакомый последние десять лет работает в рамках парадигмы постмодернизма. Но я не раз убеждался в том, что его научно-организационная практика, в т.ч. принципы руководства научным коллективом, расходятся с декларированными в теории принципами. Можно, ли на Ваш взгляд, преодолеть или даже снять установки своей прежней научной школы (парадигмы), не превращаясь в адепта новой парадигмы? Существует ли «естественный» и «органичный» путь вхождения в гуманитарную науку, когда содержание исследовательского поиска и форма научных занятий соответствуют друг другу в максимальной степени? Могут ли гуманитарии в принципе изменить свои идейные ориентации или, принимая новую форму (парадигмальный язык), они не в состоянии предложить новое научное содержание? Или за этим стоит всего лишь очередная маскировка прежних установок.

М.В.: Обозначенный Вами симптом является опять-таки прямым результатом дисциплинарного декаданса. Человек прячется за дисциплину, она оказывается его местом высказывания. А свою геополитику и телесную политику знания он скрывает, иногда даже от самого себя. У отечественных ученых это особенно ярко проявляется, потому что у нас вообще редко бывает что-то не крайнее, медиативное. Это всегда либо чокнутый фундаменталист, жонглирующий духовностью, исихазмом и другими продуктами третьей свежести, либо тот, через кого червовещает западная традиция, а его самого в ней нет, он только пустой барабан для червовещения. При этом то, что он представляет собой в реальной жизни — вообще отдельная тема. Потому в профессиональном самосознании такого человека чаще всего конь не валялся.

Ю.М.: Ну что Вы опять всё на дисциплинарный декаданс сваливаете? Можно подумать, что он — единственная причина всех наших бед — и других проблем у просто нас нет. Мы все, как один, оказались в один прекрасный момент (конечно, не без нашего молчаливого согласия) заложниками Системы.

М.В.: Юрий Михайлович, мне кажется, что это как бы вещи разного порядка, Ваша Система, сетования на палки в колесах со стороны старшего поколения (с чем я, кстати сказать, абсолютно согласна), бюрократию — с одной стороны, и дисциплинарный декаданс — с другой. Но будучи вещами разного порядка, они, тем не менее, сигнализируют каждый на своем уровне об одной и той же проблеме. Просто Вы ее пытаетесь рассмотреть больше в сфере вовне, а я — будучи глубоко антисоциальным и антигрупповым человеком по духу типом — склонна больше рыться в сознании отдельного человека, его теоретических установках, в т.ч. и своих.

Но вернемся к пропасти между тем, что человек проповедует в науке и как он сам живет и действует. Это далеко не только наша отечественная проблема. Я знаю не одного такого ученого и за границей. Они нередко заявляют о том, что надо слышать другого, уважать его, но сами — эгоисты до мозга костей и никого кроме себя за людей, за субъектов, способных производить знание, не считают. Даже в нашем деколонизальном коллективе порой заводятся такие мини-Сталины, как мы их называем между собой.

Правда, они быстро отваливаются. Но справедливости ради скажу, что я плохо себе представляю, как бы мог гипотетический постмодернист реализовать свои установки в реальной деятельности в современном российском университете! Он там просто не выживет, если попытается, например, существовать в логике ризомы, а не в жесткой вертикали власти, администрирования вместо менеджмента и взаимоотношений мафиозной семьи, а даже не корпорации. Так что, боюсь, что это происходит поневоле.

Ю.М.: Это что-то вроде защитной маскировки. И гуманитарии, приступая к работе, в т.ч. с текстами, предназначенными для публикации, вынуждены надевать на себя защитный камуфляж, чтобы разительно не отличаться от других адептов Системы.

М.В.: Думаю, что это характерно для многих, и каждый выдавливает из себя раба со своей скоростью, или не выдавливает. Мне, например, в последнее время стало наплевать на эти условности, и я пишу просто всё, что думаю. Но вообще, конечно каждому ученому, а не только гуманитарии (хотя ему особенно) приходится приспосабливаться, даже постмодернисту. Мне в этом смысле проще, потому что я не занимаю никаких должностей и не получаю никаких благ — ни реальных, ни символических. А это дает определенную свободу, то, что я ценю больше всего в работе и в жизни.

Ю.М.: Я тоже. Как видите, некий минимум академической свободы все же существует в отечественной высшей школе. Не всё так уж и плохо.

М.В.: Поэтому на Ваш вопрос о том, существует ли «естественный», «органичный» путь в гуманитарную науку, когда содержание поиска и форма научных знаний соответствуют друг другу, отвечаю утвердительно. Конечно, не абсолютно, не до конца, но при условии, что Вы не играете во властные игры в науке, не пытаетесь себе в ней выкроить «место под солнцем», Вы вполне можете реализовать свой выбор, во всяком случае, в своем личном праксисе. Скажем, для меня, деколониальность это есть одновременно научная позиция и этос.

Я стараюсь следовать этой позиции во взаимоотношениях со студентами, аспирантами и коллегами. С последними возникает нередко непонимание в силу того, что они накладывают свои мыслительные и этические принципы на весь остальной мир (судят о других по себе) и мои деколониальные выкладки воспринимают как стремление отменить (или заменить) некую позицию, которую они разделяют. При этом они не осознают, что когда я говорю о плюриверсальности и мире, где сосуществует множество миров, о том, что не надо нести единственную и верную для всех Истину, я действительно так думаю и поступаю, и вовсе не собираюсь их обращать в свою научную веру, подобно тому, как обращают в христианство или в коммунизм.

Здесь сказывается глубоко укоренный в модерности и, соответственно, в той научной парадигме, в рамках которой формировалось большинство отечественных ученых, агональный принцип, который также вполне можно поставить под сомнение в качестве универсального. Есть тут еще один важный момент, о котором надо упомянуть: настоящая естественная связь между предметом, методом, формой и содержанием возникает тогда, когда все это укоренено в телесной и геополитике знания самого исследователя.

Боюсь, что многие отечественные ученые просто занимаются той или иной модной темой, которая не является актуальной для них самих в экзистенциальном смыс-

ле, в разрезе их собственной локальной истории. А это совершенно необходимо. В моем случае эта органика проявляется ярче всего в монографиях и статьях, которые я пишу для зарубежного читателя, во многом потому, что ему уже не надо объяснять важность субъектности исследователя в научном тексте. Для нашей же науки это по-прежнему экзотично, вернее, многие об этом пишут, но сами при этом думают не так!

Ю.М.: *Согласен с Вами, но с небольшим уточнением. Большинство наших коллег не лучше и не хуже нас с Вами. Просто они пишут об одном, а живут по другим принципам. Вот в этом я вижу основной изъян нашего гуманитарного сообщества. Это даже нельзя назвать лицемерием или маской. Можно маскировать свою беззащитность или некомпетентность, даже отсутствие смыслов, но нельзя скрыть от коллег разрыв между праксисом, как Вы выражаетесь, и демонстрируемой позицией.*

М.В.: Я это и имею в виду. Не лучше или хуже, да и не нам с Вами судить об этом. Но важность самопозиционирования в научном тексте как раз и является индикатором зазора между праксисом, этосом человека и его теорией.

Ю.М.: *А теперь следующий вопрос. Сегодня в российской гуманитарной науке сложилась нелегкая ситуация, когда «верхи» (старшие поколения) не хотят, а «низы» (средние и младшие поколения) не могут. Причем на «молодых» ставку делать еще рано (хотя с ними заигрывают чиновники от науки), на «стариков» — уже поздно, а «середняки» никак не решатся предложить свои подходы, не отрицая то, что сделано предыдущими поколениями. Что Вы думаете о преемственности поколений в гуманитарном научном сообществе России? Есть ли предпосылки для выращивания достойной профессиональной смены? И готово ли старшее поколение передать свои опыт и знания молодым людям, вступающим в науку? Какую роль может сыграть при этом среднее поколение в науке? Почему, на Ваш взгляд, это поколение не желает взять на себя всю полноту ответственности, уйдя во «внутреннюю» или «внешнюю» миграцию? Неужели так сильны позиции старшего поколения, не желающего передавать свои полномочия и делиться ресурсами?*

М.В.: Думаю, ни для кого не секрет, что ни о какой преемственности в гуманитарной сфере речи нет. Как Вы верно отметили, существует межпоколенческий разрыв. Эта ситуация, к сожалению, вряд ли разрешима. Ее наиболее очевидные причины лежат на поверхности. Это та социальная, политическая, экономическая, культурная и вообще ценностная катастрофа, которую мы пережили два десятилетия назад (я употребляю слово «катастрофа» в данном случае, безоценочно, не считая, что надо было сохранить СССР, но катастрофа все равно остается катастрофой).

Отсюда, например, вытекает практически полное отсутствие представителей моего поколения сорокалетних в науке, в образовании. Это поколение потерянное, что не удивительно. Ведь людям надо элементарно зарабатывать деньги, чтобы содержать свои семьи. Они не хотят быть «неудачниками» в новой системе координат, а это именно так в условиях гигантского падения престижа нашего труда.

Но есть и более глубокие и сложные причины этого разрыва и стагнации, связанные с самой архитектурой и генеалогией гуманитарного знания в нашей стране, с принципами выстраивания межпоколенческой преемственности, даже с такими, на первый взгляд, не имеющими прямого отношения к этой проблеме вещами, как геронтократия и коллективный культурный комплекс Тараса Бульбы или Ивана Грозного (вместо западного Эдипова комплекса).

На мой взгляд, в российской гуманитарной науке сегодня практически нет фигур в старшем поколении, на которые стоило бы равняться молодежи, нет уже Лот-

манов и Бахтиных, нет настоящих научных школ, а вместо них только лишь симулякры. Свадебные генералы, конечно, по-прежнему восседают в президиумах, но часто ничего не знают и не хотят знать о современной науке, продолжая вещать то, что прочли или услышали в глубокой юности. И научить они тоже никого и ничему не могут, да и не хотят, потому что заняты совершенно другими проблемами. Наверное, исключения есть. Но мне лично, они не встречались.

Конечно, можно сетовать на то, что нет среднего поколения, но кардинально исправить мы с Вами ничего не сможем. Ведь нынешних менеджеров по продаже сникерсов и мобильных телефонов мы не заставим вспомнить то, чему их учили в МГУ двадцать лет назад, и не вернем их в науку. Они уже разучились мыслить.

Ю.М.: *А зачем им мыслить, если их доходы позволяют им вести далеко не скромный образ жизни и иметь то, что они хотят?*

М.В.: Я думаю, Юрий Михайлович, что менеджеры – не все поголовно приземленные и меркантильные люди, и из многих из них могли бы получиться при прочих благоприятных условиях неплохие ученые. Но время упущено, жизненный выбор сделан. Да и не стоит всё переводить на деньги. Мы же ведь не из-за денег с Вами занимаемся наукой? А вообще, я бы поставила вопрос иначе – это не проблема поколений, а скорее вопрос человеческих индивидуальностей. Потому что человек может быть и старшим по возрасту, но молодым по мышлению, в душе и т.д. И наоборот. Среди моих университетских коллег молодого поколения очень много стариков по духу, лизоблюдов по сути, ранних маразматиков по негибкости мысли, которые не смеют иметь собственное мнение, хорошо варят кофе, произносят тосты и подносят портфели и потому очень даже устраивают то самое старшее поколение, которое поживает на лаврах и в грош не ставит обслуживающий их персонал.

Мне вот исполнилось сорок два, но я себя на этот возраст не ощущаю совершенно (для справки, на Западе большинство грантов можно получить только до сорока лет, после сорока Вы уже мало кому интересны, если не выбились в топ-ученые), причем это хорошо считают студенты, которые иногда забывают, что я ровесница и родителей. Если принять Вашу схему трех поколений, то тогда я ее вижу в рамках трех типов бахтинского диалогизма.

Старшее поколение олицетворяет магистраторный диалог, в котором авторитет учителя абсолютен, поскольку через него вещает традиция. В сократовом диалоге, характерном для среднего поколения, включается ирония и попытки ученика оспорить этот авторитет и право учителя транслировать истину, не претендуя на окончательный вердикт. А в менипповом диалоге всё и все идут в окончательный разнос, ученик свергает учителя, оспаривается уже не только учитель, но и сама традиция, сама истина, которой больше нет. Думаю, что среднее поколение, если бы оно действительно существовало как интеллектуальная сила, могло бы сыграть определенную медиативную роль, смягчая крайности производства и трансляции знания. Но этого не происходит, и вряд ли произойдет в ближайшее время.

Что касается вопроса о том, почему среднее поколение не берет на себя ответственности, во-первых, этого поколения нет как целостного образования. Оно во многом состоит уже из предельно атомизированных индивидов, которые плохо собираются в стаи (или в сети), даже с самыми добрыми намерениями возрождения науки.

И, наконец, как Вы сами подметили, может среднее поколение и взяло бы на себя ответственность, только кто же ему даст это сделать! Вот и получается суици-

дальняя ситуация срубания сука, на котором сидим и вытеснения всего живого, нового, мыслящего, неординарного, потому что сравнение со всем этим будет не в пользу генералов науки и окружающей их услужливой и «хитроумной» околонучной молодежи, с которой не надо конкурировать и потому она удобна. Это такой жест самосохранения ряженных «аксакалов», которые полагают, что после них хоть потоп. Главное — сохранить сегодня свое привилегированное положение. Но повторюсь, все же, это не вопрос возраста или не только и не столько возраста!

Ю.М.: Да, из Ваших слов складывается плачевная ситуация. Вопрос заключается не только в отсутствии реальной борьбы между разными поколениями в науке, хотя предпочтительно, чтобы это была борьба между научными школами. И даже не в репутации представителей среднего поколения, с позицией которого и старшие и младшие уже не считаются. Мы позволяем себе говорить вполголоса, даже думаем с внутренним цензором. Может быть потому, что не научились уважать себя, отстаивать собственное достоинство. Жаль, что с нами такое происходит.

Мадина Владимировна! Кого Вы считаете сегодня профессионалами в гуманитарной науке? Каковы, на Ваш взгляд, критерии профессионализма? В разных интервью мне уже приходилось самому высказываться на эту тему и слышать разные точки зрения. Хотелось бы услышать Ваше мнение.

Я связываю научный профессионализм с высокой степенью овладения профессией ученого, характеризующейся мастерством и компетентностью в избранной сфере научной деятельности. Для одних собеседников главным критерием профессионализма является «истинность полученных результатов» или «крупный научный результат, получивший признание в профессиональном научном сообществе», для других — «служение науке и ее ценностям», «отношение к науке как главному делу своей жизни», «интеллектуальная честность», «обостренное чувство собственного достоинства». Что касается критериев профессионализма в философии, то на них указывает, в частности, П.К. Гречко. Он выделяет в нем три критериальных признака: «культуру вопрошания, аналитическую понятливость (в разработке идентифицированных проблем) и радикальность (предметно-материальная или идеально-логическая принудительность) в выводах». Но у Вас могут быть свои представления о профессионализме. Можете ли Вы оценить профессиональную ситуацию в гуманитарном научном сообществе?

М.В.: Критерии профессионализма — несомненно, те, что вы назвали, но для меня этого как-то мало. Это необходимо, но не достаточно. И звучит немножко так, как будто ученый учится науке как ремеслу. Все же это не ремесло. В нем должна быть божья искра. Иначе всё вырождается в мастеровитость. Это как разница между литературой и беллетристикой.

Все же я думаю, что настоящий ученый — это профессионал, который должен внести что-то свое в науку, предложить собственную концепцию, по крайней мере, попытаться это сделать. Истинность результатов — это критерий из другой научной эпохи и области, и уж точно не для гуманитарии, тут истины нет или их много. Крупный научный результат, да еще и получивший признание — для меня тоже спорно. Кто определит, крупный он или нет, тем более в синхронном срезе, стоит ли верить научному сообществу (этой «стае товарищей»).

Ю.М.: Ну лучше уж сообществу.

М.В.: Наконец, есть ли оно (сообщество) вообще, сегодня, особенно у нас? Служение науке, преданность ей и т.д. — это слишком пафосно и не для меня. Здесь угады-

вается эдакая оправдательная риторика научного служаки, просиживающего штаны в кабинете и переливающего «из пустого в порожнее». Обостренное чувство собственного достоинства — качество мне, несомненно, симпатичное, но к профессионализму непосредственного отношения не имеющее. Интеллектуальная честность — это еще один вариант необходимого, но не достаточного условия в профессионализме ученого.

Но с другой стороны у нас зачастую и самого необходимого-то нет. Разве можно считать, что отечественные гуманитарии компетентны в своей сфере научной деятельности? Мне приходилось встречаться с чудовищными случаями некомпетентности и всепобеждающим воинствующим невежеством даже в академических институтах. Использование автором сложных и непонятных для невежды-коллеги слов и понятий вызывает ненависть, зависть и стремление освидетельствовать, уничтожить, нередко переходя на личности.

Мне это напоминает историю героя романа Генриха Манна «Верноподданный» Дитриха Геслинга, который слушал блестящие лекции талантливого профессора в университете и вместо того, чтобы наслаждаться, познавать новое, думал со злобностью: «И откуда он все это знает!» Так вот, вместо этого надо сделать совершенно простую и профессиональную вещь — задуматься, а может, это я чего-то не знаю, и поставить под сомнение себя самого? А может надо пойти и почитать что-то на эту тему, прежде чем демонстрировать свое невежество? Но этого-то как раз и не случается.

Ю.М.: Мне импонирует Ваше представление о самокритичности и саморефлексивности ученого, особенно гуманитария. Возможно, я опережаю события, но я никак не пойму, что же для Вас все-таки главное в профессионализме гуманитария.

М.В.: Пока я продолжу свой ответ на Ваш предыдущий вопрос. Что касается принципов профессионализма в философии, которые предлагает П.К. Гречко, то я думаю, что они вполне применимы и к другим областям знания. Слишком много развелось нынче авторов, которые вообще не знают, как формулировать вопросы, в т.ч. и по отношению к самим себе, даже не понимая, зачем им это нужно и совершенно не заботясь четким формулированием каких бы то ни было понятий.

А сам модус их мышления и письменного изложения вообще не обладает никакой телеологичностью. Они ничего не пытаются доказать, у них нет не только цели, но и концепции, нет и стремления все это создавать. Они просто порождают тексты ни о чем, тексты ради самих текстов, в которых содержатся рассуждения вообще, предельно обтекаемые и вращающиеся вокруг некоего набора сведений и фактов. В лучшем случае в них автор просто нанизывает чужие мнения по тому или иному вопросу на известный только ему одному стержень. Это начинается уже на уровне научных докладов студентов, но потом продолжается и бездумно воспроизводится и на уровне аспирантуры и даже докторантуры.

И все же я полагаю, что над этими минимальными требованиями профессионализма, которые Вы назвали, должна затем вырасти надстройка, связанная уже с творческим началом, со смыслообразованием, а если все ограничится минимальными требованиями, то это будет такой научный середняк-ремесленник. Такие в науке, на верное, тоже нужны, но их одних явно не достаточно.

Ученый должен расти и работать над собой всю жизнь, бесконечно совершенствоваться. Это — аксиома. Мы попытались как раз об этом поразмышлять с Вальтером Миньоло в нашей новой книжке [2], о том, что важно сохранить гибкость ума, подвижность перспективы видения проблемы, и научиться разучиваться тому, чему

нас учили прежде, с тем, чтобы учиться снова, но уже на других основаниях. Это — бесконечный процесс и именно он характеризует высший пилотаж профессионализма, к которому надо стремиться.

Простой пример: у меня базовое филологическое образование, хотя я давно не занимаюсь филологией. При этом я все равно могу легко написать добротную филологическую статью. Это профессионализм того уровня, о котором говорили Вы, который не уходит, как умение водить машину или кататься на горных лыжах — один раз научился и всё, на всю жизнь.

Но меня это как бы уже не устраивает как ученого, как человека, мне это скучно. Мне нужно что-то еще. Я продолжаю заниматься литературой, но делаю это уже не как чистый филолог (за что филологи меня всегда не любили и не понимали), а «протекая» в другие дисциплины или вообще создавая свою область деколониальной эстетики, а еще лучше — практикуя ее в собственном литературном творчестве.

Поэтому, например, когда мне предлагают переиздать какие-то мои монографии, пусть и написанные 7-10 лет назад, я отказываюсь, потому что мне как автору, интереснее создавать новые тексты, а не переиздавать старые. Да и проблемы, которыми я занимаюсь, очень изменчивы, подвержены воздействию культурного и идеологического контекста. И книга, написанная в 2004 г., уже сегодня должна быть совсем другой. И настоящий профессиональный научный кайф состоит именно в том, чтобы это ухватить, почувствовать и воплотить.

Ю.М.: Итак, я выделил из Ваших слов несколько ключевых моментов настоящего (а не ритуального или ремесленного) профессионализма в гуманитарной науке: телеологичность, ориентация на достижение научной цели; способность к смыслообразованию и творчеству; стремление к самосовершенствованию (в т.ч. и переучиванию) и саморефлексии. Профессионализм такого рода близок по своей сути к искусству. И как Вы образно выразились, главное в нем получить научный кайф, чтобы почувствовать истину (истины), ухватить ее подобно жар-птице и воплотить в образах и моделях. Это мне нравится. Ведь каждый из нас испытал нечто подобное. Но Вы не назвали очень важное условие, хотя нельзя учесть всё. А именно — вдохновение как источник творчества. Кроме кайфа, необходимо иметь еще драйв, особого рода жизненный порыв. Можно видеть, не узнавая увиденного, слышать, не понимая услышанного, воспринимать, не чувствуя, познавать, не постигая, и т.д.

И еще одно условие. В самом начале ответа на мой вопрос Вы определили профессионала как человека, «который должен внести что-то свое в науку, предложить собственную концепцию, по крайней мере, попытаться это сделать». Скажу Вам, что тебе, с моей точки зрения, — не совсем обязательное условие. Нельзя присвоить то, что тебе не принадлежит. Творчество трансперсонально по сути. А его результаты не могут быть чьей-то собственностью или принадлежностью. Наше тщеславие и гордыня — это всё происходит от лукавого, а также от слабости и несовершенства нашего Эго. Но мы — не просто носители, проводники и трансляторы «высшего» знания, открывающегося только избранным и посвященным в тайны бытия. Мы — существа, обладающие свободой выбора и способные тренировать свой дух (бесконечно совершенствуясь) или укреплять волю к жизни, порождая смыслы дальнейшего существования. Наше тело смертно, а дух бессмертен.

Поэтому трансперсональность означает вместе с тем способность человека выйти за пределы своего тела (физического, социального и ментального) в сферу духа, где он соприкасается с креативностью, вечностью и бесконечностью бытия, которые свой-

ственны ему как представителю сообщества (в предельном отношении — всего человечества), а не как отдельному индивидууму, озабоченному собственной смертностью и испытывающему постоянный страх перед неизвестностью (неопределенностью).

М.В. Вдохновение — это прекрасно, но для меня — это само собой разумеющийся факт. Поэтому я и не говорила о нем. А если смотреть так, как Вы предлагаете, считая, что бывает восприятие без постижения, то, наверное, нужно и отдельно говорить о вдохновении, только что это за творчество такое будет? Что это за ученый без постижения? Насчет вдохновенной каденции о трансперсональности, целиком согласиться не могу, хотя звучит красиво. Для этого надо разделять Вашу концепцию трансперсональности с ее, на мой вкус, несколько радужной трактовкой человечества. У меня взгляд гораздо более пессимистичный и даже мизантропический. Как человек пишущий скажу, что одинокое «Я» в творчестве коммуницирует только с собой и с космосом, с Богом, если Вы человек верующий, а вот другие «человеки» здесь — только помеха. Но это мой взгляд, который я никого не призываю разделять...

Ю.М.: Ваше право. Также и я не во всём разделяю Вашу концепцию деколониальности. В ней, если брать телесную архитектуру знания, сквозит позиция обиженных и обездоленных, стремящихся установить равноправные отношения с сильными мира сего, в т.ч. доминирующими в науке, не имея чаще всего сопоставимых с ними ресурсов. Я не оправдываю существующий порядок вещей, но ведь что-то или кто-то позволяет генералам науки удерживать господствующее положение в принятой же ими самими властной иерархии. Значит, существует социальный заказ на посредственностей, занимающих командные позиции, тщеславие и алчность которых не знает себе равных. Ведь чтобы бороться с ними, мало обладать научными талантами и способностями. Надо еще иметь определенное мужество, желание бороться во имя каких-либо (пусть даже не призрачных) целей и идеалов, а также навыки позиционной игры. Состоявшиеся исследователи, ценящие превыше всего свою автономию и свободу, вряд ли будут участвовать в этой борьбе. А значит место никем не занято. И как говорится, на безрыбье и рак — рыба.

Нам, представителям среднего поколения в науке, ориентированным на профессиональные ценности, не хватает в своей среде настоящих буйных, тех, кто готов идти до конца, отстаивая интересы и ценности профессионального сообщества. А для этого им, как минимум, необходимо быть профессионалами, если не в научном исследовании, то, по крайней мере, в организации науки.

И кто же тогда должен противостоять агрессивной серости в науке, если талантливые исследователи предпочитают оставаться в стороне? Конечно, я не имею претензий лично к Вам. Вы позволяете себе смелость говорить открыто то, что думаете и называете вещи своими словами. Но основная масса исследователей отмалчивается или обсуждает в околонучных кулуарах коммунальные новости.

Вот Вы говорите, что и там, на Западе гранты и другие ресурсы выделяют ученым до 40 лет. Остальные, если они не стали топ-учеными, мало интересуют управляющие инстанции. У нас практически нет топ-ученых, если не считать лиц, прикормленных властями и известными фондами, зато имеются свои топ-чиновники в науке. Всё искажено. Талант вызывает зависть, серость пробивает себе дорогу, игнорируя элементарные нормы научной этики. Да и последняя относится лишь к нормальному профессиональному сообществу, которого тоже у нас нет.

Можете оставить мой развернутый комментарий без ответа. И здесь мы переходим к следующей группе вопросов, которая связана с темой самоидентификации.

Кто мы?

Ю.М.: Я знаю, что концепции идентификации не входят в сферу Ваших непосредственных научных интересов. Но как специалист по проблемам транскulturации и множественной идентичности Вы наверняка не раз решали вопрос о собственной стратегии идентификации. Кто Вы в обществе, культуре, науке, повседневной жизни? И первый вопрос: каково Ваше отношение к проблеме нации и национальности? Считаете ли Вы себя русским человеком? Русским по культуре и социальной принадлежности. Или Вы ощущаете себя гражданином мира?

М.В.: Юрий Михайлович, вопросы идентичности не входят в круг моих интересов сегодня потому, что они уже проработаны мной в том виде, в каком мне это было интересно и важно (я сейчас говорю о науке, а не о жизни) более десяти лет назад, когда эти вопросы были в моде в мировой науке, а я писала книгу о мультикультурализме, в котором пресловутая политика идентичностей занимает как раз центральное место. Поэтому я просто в этой проблематике разобралась, расставила для себя некие акценты и перевела мифологию идентитета в некие другие категории, которые, как мне представляется, лучше отражают то, что скрывает эмблема и риторика идентичности.

Что касается собственной идентификации, то я не думаю, что есть люди, которые бы эту проблему не решали, и я, конечно, этого тоже не могу избежать, но естественно, все делают это по-разному. Моя ситуация описывается понятиями, которые хорошо определяет *Philosophia Africana*. Вместо вопроса, что значит быть (вообще быть, существовать, быть человеком и других вариантов западной философии) задается вопрос, что значит быть проблемой... Гипервидимость оборачивается невидимостью.

В моем случае это менее явно, конечно, чем в случае с афроамериканцем Уильямом Дюбуа, но суть остается той же. Это существование трансдиаспорного внутреннего иного, эдакого трикстера, практикующего эпистемологический койотизм в бывшей империи, с невероятными мучениями и жертвами превращающейся в национальное государство, причем в тот момент, когда институт национального государства окончательно устарел. Стратегии в этом случае выстраиваются совершенно особые. Например, нужно быть в десять раз лучше, чем свой, чтобы тебя приняли, в т.ч. и в науке, но в итоге тебя все равно не примут в силу нестираемого различия и глубочайшего эпистемологического расизма, царящих в нашей научной среде. Этот комплекс аберраций, двоящихся идентификаций, возвращенных взглядов, неприкаянности и пограничностей я исследую сейчас больше в художественном творчестве.

Отношение к проблеме нации и национальности у меня в целом негативное. Первое себя порядком изжило, а второго вообще никогда не существовало. Вы, вероятно, имели в виду этничность под национальностью? Национальное должно быть, несомненно, конструктивистским, гражданским, а не этническим, но это в нашей стране, на мой взгляд, не реализуемо, потому что тогда нужна некая система надэтнических гражданских ценностей, которые бы разделяли все, а ничего подобного никто предложить не может, потихоньку протаскивая в качестве таковых ценности снова сугубо этнонациональные.

Так было, кстати, и в советское время, хотя внешняя риторика была иной. Попытка развести этническое и национальное, придумав термин «россияне», тоже пока ни к чему не привела. Слишком жива еще в сознании советская биологизация эт-

ничности, припечатывание человека в паспорте по крови и по отцовской этничности. Русским человеком я себя не чувствую (это было бы странно), хотя никаким другим в этом сугубо этническом смысле – тоже. Пожалуй, в моем случае остается только языковая связь с русской культурой, но вот достаточно ли этого, чтобы называться русским человеком, не уверена! Думаю, что нет. В художественном творчестве я как раз пытаюсь ответить на эти вопросы, нащупать, где эта принадлежность начинается и заканчивается, в чем она собственно состоит, как ее ухватить и определить. Что значит, быть русским «по социальной принадлежности» я не очень понимаю. То, что меня угораздило родиться в этой стране и у меня российский паспорт – это всего лишь досадное стечение обстоятельств.

Ю.М.: Я, конечно, тоже далеко не ультрапатриот, но высказываться так категорично о стране, давшей Вам образование и возможность состояться в качестве профессионала (пусть даже вопреки обстоятельствам), не стал бы. Мне кажется, что у Вас произошел какой-то внутренний идентификационный разлад и нелюбовь к Системе (режиму) Вы чуть ли не стали распространять на всё российское общество.

М.В.: Вы знаете, Юрий Михайлович, ничего категоричного в этом нет. Это абсолютно нормальная и широко распространенная позиция, которую, Вы, естественно, не обязаны разделять. Маленькое уточнение: эта страна мне образование не давала, и вообще подобная формулировка – эдакий дежурный советский штамп, который использовался в антисемитских кампаниях. Образование мне дали родители. А состояться как профессионалу, как я уже объяснила, мне удастся за пределами этой страны гораздо успешнее, при том, что я как-то умудряюсь до сих пор жить здесь физически. Постоянные внутренние идентификационные разлады – это вообще-то нормальное состояние творческого и мыслящего человека. А российское общество я не то чтобы не люблю, оно просто не моё. И ничего крамольного в этом нет. Подозреваю, что под этим подписалась бы половина населения нашей страны. По системе ценностей я достаточно далека от русской культуры. Это зависит от многих причин – и от семьи, и от тех книг, которые я читала (моя мама преподавала современную зарубежную литературу, и я читала сначала ее, а потом уже русскую). Наконец, опора на те или иные ценности зависит и от каких-то индивидуальных особенностей. Например, я – крайняя индивидуалистка с детства, а это, как мне кажется, противоречит каким-то фундаментальным русским качествам. Впрочем, я разделяю в этом смысле скорее общеевропейскую установку последних шести десятилетий, что все эти рассуждения о национальном характере потенциально плохо пахнут, за ними всегда маячит Аушвиц. На последний вопрос отвечаю утвердительно – я действительно человек мира во всех смыслах слова. Комментировать не буду, потому что это тема отдельного разговора.

Ю.М.: Честно говоря, Мадина Владимировна, я не верю в космополитизм, как и во всечеловеческое единство. И, как и Вам, мне претит тема этнической идентичности. Но по своим культурным корням и образованию я считаю, и горжусь этим, себя русским человеком. И книжки я читал в детстве разные, но на русском языке, что во многом предопределило мое миропонимание. Как Вы понимаете, быть русским по духу и культуре – это не одно и тоже, что быть этническим русским и еще нести при этом всякую псевдопатриотическую (а нередко плохо скрываемую неонацистскую) и совсем не прекрасную чушь. Но я уверен, что принадлежность к национальной культуре открывает пути к сокровищнице мировой культуры во всем ее разнообразии.

М.В. То, что Вы не верите в космополитизм не удивительно, Вы же представили очень четко свою позицию русского человека по духу и культуре, но это не значит, что человек мира не имеет права на существование. К счастью или несчастью, таких людей становится все больше. Маленькое уточнение: в моем случае это, безусловно, не тот европоцентристский космополитизм, который только у нас и известен, а локальный или критический его вариант, описанный В. Миньоло в статье, опубликованной в нашем журнале. А вот в хорошо известную формулу национального, открывающего якобы путь к мировой культуре, уже я не очень верю. Слишком часто это национальное на себе самом и замыкается и себя самого полагает нормой.

Ю.М. Возможно. Следующий вопрос. В своих научных публикациях и устных выступлениях Вы открыто критикуете западноцентристскую логику социально-гуманитарных исследований, опираясь на деколониальный подход и другие варианты незападной гуманитарной мысли. Вместе с тем Вы постоянно подчеркиваете полуфеодалный характер и клановость организации отечественной гуманитарной науки. С кем же Вы тогда готовы объединяться в научном сообществе? Кто в мире и в нашей стране выступает Вашей референтной группой в науке? И в чем состоит Ваша научная позиция?

М.В.: В Вашем вопросе (даже в том, какие логические связи Вы использовали в предложении) звучит бинарная оппозиция, которая является распространенным мифом модерности — противопоставление себя самой сконструированному понятию «традиции», с которым связывается все отсталое, архаичное и стагнирующее.

На самом деле ни одно из современных незападных критических направлений — от моей «родной» деколониальности до этноисследований в США (не путать с нашей отечественной этнологией!), от *Philosophia Africana* до постконтинентальной философии — не призывает вернуться назад к некоей чистоте, примордиалистской незамутненности. Такое упрощенное и искаженное понимание характерно и для вторичного европоцентризма отечественной науки. Но речь идет совершенно о другом — не о возвращении к некому изначальному чистому источнику, не о пути назад к аутентичности, а о пограничном мышлении и сознании, отмеченном реляционной и динамической двойной критикой как этнокультурной, так и западной или российской позиции. Это своего рода балансирование между модерностью и трансмодерностью, между диаспорой и нацией, а не исключаящий пуризм отката к некому воображаемому статичному прошлому. Здесь очень важно «начертать заново» то, что Запад свел к традиции, в качестве отклика на имперскость и высокомерие тех, кто определяет себя в качестве современных и рассматривает собственное прошлое как традиционное вместе с прошлым иных культурных миров.

Ю.М.: Вы уж совсем упрощаете мое высказывание. Я вовсе не имел в виду возвращение к чистому, как родник, источнику (традиции, школе и пр.). Я всего лишь спросил: с кем Вы, а не против кого. Я могу сказать о себе, что свой выбор сделал в пользу тех, кто близок мне по своим научным интересам и этическим качествам. А это — группа профессиональных гуманитариев, которые разделяют в целом философию критического, рефлексивного конструктивизма, являются признанными специалистами в определенной, как правило, междисциплинарной области исследований, имеют собственный научный подход (или концепцию) и занимают этическую позицию, соотносящуюся с лучшими ценностями мировой и отечественной науки, а также независимую по отношению к позиции формальной элиты государственных институтов науки и образования.

М.В.: Интересно, Юрий Михайлович, где же Вы обнаруживаете личностей, отвечающих этим взыскательным критериям? Но позвольте мне продолжить разъяснение своей научной позиции. Пограничное мышление, к которому я причисляю и себя, потому что именно так чувствую и вижу мир и себя в нем, не возвращается к аутентичному примордиализму, а скорее к примордиальному, которое было развенчано в качестве традиции. А это и есть та самая экстериорность, та самая «внешность», о которой я говорила выше. Эта позиция выпадает из западной логики или/или, примиряя то, что западная культура интерпретирует как противоречия во всепроникающем акте уравнивания изменчивости и преемственности.

Так что нужно не идти назад к традиции, а освободить ее от мертвой хватки западных дисциплинарных делений, понятий, представлений, категорий мысли и действия. Необходимо перестать снисходительно отрицать ее пути выражения, противостояния и резкзистенции, которые совершенно не обязательно окажутся академически санкционированы Западом. Тогда переосмысленная гуманитария обретает плюриверсальную и открытую агенду, основанную на принципе сохранения эпистемологического разнообразия множества сосуществующих и взаимодействующих миров. Моя собственная позиция как деколониального гуманитария связана с голосами и позициями, не свободными от модерности, это невозможно, а сложно взаимодействовавшими с нею, в какой-то момент осознавшими ее несостоятельность, ощутив колониальность власти, и сделавшими выбор в пользу размежевания с модерностью на эпистемологическом уровне и поиска альтернативных генеалогий и оснований.

Ю.М.: *Мне Ваша позиция понятна и близка. Я также выступаю за разнообразие и мне, как и Вам, претит навязчивая логика и эпистемология логоцентризма с ее снисходительным и покровительственным отношением к культурным меньшинствам. И мне кажется, что значительная часть интеллектуалов, в т.ч. отечественных, стараются самостоятельно разобраться в происходящем и избавиться от этой логики как от дурного сна. Кстати говоря, у российской научной общественности имеется шанс избрать иной вариант взаимодействия с так называемой «мировой наукой», олицетворяемой Западом. Ну, конечно же, не вариант непродуманного копирования и слепого заимствования.*

М.В.: Будем надеяться, что Вы правы и так и произойдет – российская наука перестанет копировать и заимствовать, а создаст, наконец, что-то своё. В своем комментарии Вы упомянули, что я «опираюсь на достижения деколониальности». На самом деле это более тесная и органичная связь именно потому, что я не просто прочла что-то отвлеченное и решила об этом писать и сама. Я сначала прочувствовала на своей шкуре, что значит быть проблемой, вневидным человеком, не принадлежать ничему и никому, потом занялась рефлексией и саморефлексией на эту тему, потом прочла книги из самых разных областей знания и стран, где осмыслялась эта проблематика и была артикулирована моя собственная узнаваемая позиция онтологической и эпистемологической инаковости, только в другой локальной истории.

Ю.М.: *Пожалуй, здесь я не совсем улавливаю причину, побудившую Вас стать проблемой и вневидным человеком, поскольку не знаю всей биографической ситуации. Многие из нас, столкнувшись с культурными барьерами, обусловленными в той или иной степени тоталитарными тенденциями и стремлением установить единый порядок и навязать свой образ мышления, тоже ушли во внутреннюю миграцию. Но они продол-*

жают жить и работать, стараясь изменить свое непосредственное окружение. Мне кажется (повторяю — только кажется), что Вы поступаете аналогичным образом, но при этом у Вас сквозит какая-то личная обида на мир, который развивается в большинстве своем по другому, чуждому Вам сценарию. Возможно, поэтому Вы так резко и порой радикально отзываясь о людях, ставших адептами господствующего порядка и не желающих считаться с позицией меньшинства.

М.В.: «Люди-проблемы» — это знаменитый термин Уильяма Дюбуа, афроамериканского социолога, который впервые обозначил и проанализировал это состояние, а потом его дело продолжил уже небезызвестный Вам Луис Гордон. В том то и дело, что мы (люди-проблемы) не становимся проблемами по своей воле, а уже рождаемся ими, нас никто не спрашивает, хотим ли ими быть и не объясняет, почему мы таковыми считаемся и кто так решил. «Внедомность» — ставший уже классическим термин Хоми Бабы, наиболее точно определяющий ситуацию таких транскультурных по сути людей, для которых дом и мир поменялись местами. Подробнее говорить не буду, потому что это слишком большая тема. Важно здесь то, что это не только моя личная проблема, а важнейший симптом современности. Моя биография как таковая здесь, в общем-то, не при чем. Хотя она, несомненно, может послужить иллюстрацией к этому тезису. Обида на мир — это вообще как-то глупо и совсем уж не про меня. Вы знаете, я вообще ни на кого и ни на что не обижаюсь уже очень давно, лет 35 точно. У меня есть своя жизненная задача, свои принципы, свои ценности, свои механизмы самореализации, творческие механизмы, а что там происходит в мире, это не суть важно. Главное поменьше с ним сталкиваться, с этим миром.

Возвращаясь к Вашему вопросу о том, с кем я, отвечаю: я не готова, а уже давно объединилась с деколониальным выбором и именно в этом качестве меня и воспринимают в науке, приглашают открывать конференции, писать статьи и главы в научные монографии. Уже двенадцать лет я работаю в рамках деколониального международного коллектива, активно публикуюсь, участвую в конференциях, летних школах и т.д. Недавно мне прислали Оксфордскую библиографию по модерности и колониальности, где наряду с другими членами нашей международной группы, есть и перечисление моих работ и разрабатываемых мной терминов и понятий. Среди них — деколонизация гендера и деколониальная эстетика. Установки деколониальности я разделяю, у меня та же геополитика и телесная политика знания, а именно из них и начинается любая наука.

Правда, все это не в России, а в Европе, США, Латинской Америке, на Ближнем Востоке. Вместе с тем, следует быть справедливыми и упомянуть, что на страницах нашего журнала, начиная с 2008 года, публиковались регулярно мои работы, в которых подробно рассказывалось о том, что собой представляет деколониальный поворот и, в чем состоит моя позиция внутри него.

Моя референтная группа естественно тоже находится не здесь. В России есть лишь отдельные люди, которые интересуются той же проблематикой, в основном это диаспорные интеллектуалы, художники, писатели, отчасти постмарксисты и альтерглобалисты. Но в целом наша страна не готова к тому, чтобы признать такие постдисциплинарные дискурсы, как деколониальность, особенно если это касается необходимости критического осмысления собственного прошлого и деконструкции определенных мифов, питающих культурное воображаемое.

Здесь невозможно создать школу, даже минимальное сообщество смысла и чувства, а замшелый научный истеблишмент задушит все это на корню, высокомерно заявив, что оно не вписывается в его извлеченные из нафталина представления о дисциплинарности. Я регулярно публикую не только статьи, но и монографии по деколониальной проблематике, причем и на русском языке, но они, как правило, находят читателя скорее за рубежом: мне регулярно приходят письма от незнакомых аспирантов, молодых и не очень коллег, которые прочли мои тексты, живя бог знает в каких странах – от Франции до Малайзии и от Канады до Индии, и хотят диалогизировать. А многие из этих незнакомцев еще и пишут рецензии на мои работы по собственному почину (а не по моей просьбе!). Вот это полувиртуальное общение и обмен идеями для меня и есть научная жизнь. Что же делать, если в нашей стране все это невозможно! Думаю, что не следует складывать руки и переставать заниматься наукой, а создавать и находить иные сообщества смысла и чувства.

Ю.М.: Мне опять же кажется, что не стоит так обобщать. Что же наша страна – изгой какой-то? Вы же сами говорите, что у Вас здесь есть свои единомышленники. А преодолеть имперское прошлое не так-то просто. И как я неоднократно убеждался на собственных жизненных примерах, в конфликтных ситуациях между разными людьми и даже социальными группами побеждает чаще всего не логика здравого смысла, не элементарная справедливость, а адаптационные возможности того или иного субъекта. Побеждает не сильнейший в интеллектуальном отношении и не самый справедливый субъект, а тот, кто лучше всех приспособился к ситуации. А к Вам лично очень многие коллеги относятся с огромным уважением, хотя и не разделяют некоторых Ваших взглядов.

М.В. Почему изгой? Просто здесь то, чем я занимаюсь, не нужно ... пока. А когда станет нужно, то будет уже поздно. От имперского прошлого надо **хотеть** избавиться, знаете, как в анекдоте, купить хотя бы лотерейный билет. А в нашей науке такого желания не просматривается. По поводу победы в конфликтах наиболее приспособленных совершенно согласна, это факт. Только, как любит напоминать П.К. Гречко, самое приспособляющееся к любой среде существо – это таракан.

Ю.М. Теперь я хочу спросить Вас о социальной и гражданской позиции. Я далек от мысли о том, чтобы спрашивать Вас о патриотизме или космополитизме. Не в этом дело. Но понятия среднего класса, как впрочем, и интеллигенции или интеллектуалов, имеют весьма размытые по содержанию значения. Какова же Ваша социальная идентичность? Интересы каких социальных групп общества Вы представляете и отстаиваете? И с какой социальной группой Вы чаще всего связываете свои жизненные планы и шансы? Какие общественные движения Вы готовы поддерживать и поддерживаете?

Кроме этнических проблем, существуют еще социальные проблемы идентификации. Как Вы знаете, в одной из своих статей Э.А. Орлова предлагает трехуровневую структуру среднего класса в России. Она относит интеллектуалов, в т.ч. ученых, к срединному слою среднего класса. Они противостоят «верхнему» слою, состоящему из государственной бюрократии и «новых богатых». Орлова склонна идеализировать представителей срединного слоя среднего класса, приписывая им претензии на позицию высшего класса и восходящую вертикальную мобильность. По ее мнению, если бюрократия, принявшая стиль и уровень жизни эпохи модернизации, препятствует ее проведению, поскольку от этого зависит безопасность, то срединный слой прямо заинтересован в осуществлении модернизационных изменений. Его представители «становятся иници-

аторами формирования институтов гражданского общества, обеспечивающих им право реализовать собственные интересы своими силами, с минимальной зависимостью от государства».

Идеальная картина, не правда ли? Я же думаю, что срединный слой, куда относятся и ученые, в своем большинстве занимается проблемами выживания. Им не до научных открытий. Что-то я не замечаю за ним проявлений гражданской активности и стремления занять командные высоты в бизнесе, государственном управлении и науке. Внутри группы ученых гуманитариев автор выделяет две подгруппы: «большинство научных работников обслуживало интересы государственной и партийной бюрократии и оправдывало существующий политический режим как необходимый и единственно возможный. Другие, составлявшие меньшинство, пытались приобщиться к мировым достижениям в этой области, и этими более адекватными средствами описать и подвергнуть критике сложившееся в стране положение дел».

Но где же эти другие? Что-то они не заметны в социальном плане. Их почти не видно. Может быть, они тоже приспособились к нынешнему режиму и научились с ним сосуществовать, извлекая выгоду из мелких подачек (грантов) и возможности выезжать в зарубежные научные командировки. Я полагаю, что их вес и авторитет в научном сообществе, которое пытаются контролировать чиновники от науки, крайне низки. Возможно, они выражают интересы всё уменьшающейся прослойки профессионалов в науке, но их реальный вес невелик, равно как и конструктивный потенциал — источник культурных и научных инноваций.

Вы как-то в нашем разговоре заметили, что я идеализирую человечество в целом. Возможно. Но я не питаю иллюзий относительно своекорыстных целей и интересов нашей так называемой научной элиты, как старой (консервативной и геронтократической), так и новой, связывающей свое существование с получением (и присвоением) незаслуженных ученых званий и должностей.

М.В. Согласна с большинством Ваших выкладок, Юрий Михайлович. А по поводу того, «где эти другие», так здесь же, где и все остальные — в нашем «болоте», если не сбежали куда-нибудь. Не могу себе представить, как бы это они могли стать заметны в социальном плане? И кто вообще где-либо сегодня слушает ученых — гуманитариев? Массам до них/нас дела нет, власти тоже. У них/нас нет доступа к принятию решений ни на каком уровне и потому мы безопасны и нас не трогают. Предоставляют выживать самостоятельно, как Вы верно заметили.

М.В.: Про космополитизм мы уже говорили выше. Скажу только, что не разделяю лужное противопоставление патриотизма и космополитизма.

Ю.М.: Опять же Вы меня не хотите понять. Дело не в контрасте патриотизма и космополитизма. Я их только назвал, а не противопоставил. Оба они проистекают из одного древа. Это — чувство родины, большой или малой. Для космополита такой родиной является весь мир или планета Земля. Патриот связывает чувство родины с национально-культурным и географическим контекстом. Ну, разве граждане США, твердящие постоянно об американской мечте и национальных интересах, — не патриоты своей страны. Нравится нам это или не нравится. А российский патриотизм как-то сник, увял, ограничившись локальными и непостоянными успехами в спорте. Но этого явно недостаточно, чтобы испытывать чувство гордости за свою страну.

М.В. Да уж, патриотизма американцам не занимать! Правда, не всем. Сразу можно определить, кто живет в том или ином районе США. Если все дома увеша-

ны американскими флагами, то это обычно средне-нижний класс с ниже-средним IQ и безоговорочной преданностью Америке. Чем образованнее и состоятельнее человек, тем меньше флагов и больше критики. Уж поверьте мне как американисту по образованию и человеку, несколько лет прожившему, проучившемуся и проработавшему в США. Успехи в спорте — это действительно не достаточное (а на мой вкус просто глупое) основание для патриотизма. Но что делать? Победа в войне осталась в далеком прошлом, как и космос, а если учесть последние страховые аферы с запусками спутников и прочей ерунды, которая потом сыпется в океан, то гордиться совсем уж нечем. Надо искать какие-то другие основания, более фундаментальные что ли, могущие выступить скрепами столь разнородных «я», проживающих в России. И желательно, чтобы эти основания лежали не в области технологий или простой мобилизации человеческих ресурсов в экстремальной ситуации, и не в пресловутой духовности или величине территории, а в чем-то другом. А если это другое никак не находится, то возможно, нет и смысла продолжать совместное существование?

Но вернемся к Вашему вопросу. Если честно, я не очень понимаю, почему средний класс оказался через запятую перечислен с интеллигенцией и интеллектуалами? Мне кажется, это вещи совершенно разного порядка.

Интеллигенция — чисто российское явление, уже сходящее, а может и сошедшее со сцены истории. Жаль, конечно, но факт. Интеллектуал — понятие более нейтральное, на первый взгляд, не несущее оценочной и нравственной коннотации, хотя с этим можно еще долго разбираться, лучше в статье или в книге, а не в интервью. Но все же, это — не социальные группы.

Средний класс же для меня — олицетворение всего самого отвратительного. Этакая квинтэссенция буржуазности и обывательщины. Хотя в последние сорок лет в мире существует тенденция сращивания интеллектуалов со средним классом, приводящая к тому, что Дэвид Брукс назвал «бобо» — гибрид богемы и буржуазии. Такой «бобо» еще помнит о бурных шестидесятых и хипповой молодости и потому не снимает со стены пыльную мексиканскую циновку, засиженный мухами портрет Че Гевары или Боба Марли, но он давно уже превратился в добропорядочного обывателя с солидным банковским счетом и пожизненной тенюрой в университете, который свою былую протестность предельно эстетизировал и коммерциализировал. Ему есть что терять и на демонстрацию он больше не пойдет. Такое явление имеется и у нас в стране, хотя и с несколько иными акцентами.

Ю.М.: Не совсем понимаю, причем тут весь средний класс. Или Вам не нравится сам термин, заимствованный из чуждой Вам логики? И где тогда место в социальном пространстве интеллигенции или интеллектуалам? Они что святым духом питаются и существуют в безвоздушном мире, сами по себе? Разве нельзя допустить, что средние в социальном плане — это не всегда усредненные, стабильные, консервативные? Что среди них есть место иным, сопоставимым с другими средними не по уровню благополучия, а по общей культуре и образу жизни. Мы — такие же «средние» в социальном плане, как и учителя, врачи и многие другие специалисты. На другом полюсе срединного пространства находятся мелкие и средние владельцы собственных предприятий, государственные чиновники, руководители бизнес-структур и пр. Но это всё одно и то же социальное пространство. Или Вы выносите интеллектуалов, да еще радикально или критически настроенных, за рамки социальной структуры?

М.В. Я всего лишь хочу сказать, что само помещение интеллигенции рядом со средним классом, через запятую, на мой взгляд, уязвимо, потому что это категории совершенно разного порядка. Можно быть бомжем и интеллигентом или представителем среднего класса и одновременно, простите, чернью. И средний класс нельзя, на мой взгляд, воспринимать лишь как социологическую категорию. Это еще и оценочная категория, во всяком случае, для меня. Это диагноз...

Ю.М. Можно, конечно, предложить другую модель социальной структуры. Вы уже знакомы с моей типологической схемой, в которой я различаю не-деятелей, эго-деятелей и эко-деятелей. В ней не хватает еще одной категории людей, которая занимает промежуточное место между эго- и эко-деятелями. Назову их условно экзо-деятелями (от греч. *ἔξω* — вне, снаружи). Эти люди находятся всегда (или почти всегда) на границе возможного и дозволенного. По отношению к другим группам и социальной системе в целом они занимают позицию внешних наблюдателей, не принимая активного участия в поддержании существующего порядка или производимых ими изменениях. В этом они близки не-деятелям. Но в отличие от последних они, как правило, умны, талантливы и необычайно продуктивны в творческом плане, чем вызывают нескрываемую зависть окружающих.

Как социальный тип экзо-деятели характеризуются промежуточным статусом, критическим и рефлексивным складом ума, пограничным мышлением и толерантным отношением к другим Иным. Они находятся в латентной оппозиции к эго-деятелям, стремящимся устанавливать собственные правила игры и навязывать свои ценности другим участникам социального пространства. Экзо-деятели не интегрированы глубоко в действующую социальную структуру, принимая лишь условно нормативные предписания и ролевые установки, инициируемые эго-деятелями, которые образуют группы интересов и целые корпорации для укрепления своих позиций в социальном пространстве.

Экзо-деятели во все времена и эпохи составляли цвет нации. Они не идут в бизнес или политику, где требуются лидерские качества и желание утверждать свое господство за счет или посредством других людей. Это — выдающиеся художники, писатели, ученые, которые придумали для себя и эстетизировали для других целые миры. Однако они растут как цветы и им нужна определенная помощь, чтобы они не увяли. Им нужны не только свои Саввы Мамонтовы, но и благодарные зрители, слушатели, студенты. Первые — это продвинутые, как сейчас говорят, эго-деятели с развитым эстетическим вкусом и благородными побуждениями. Вторые — это, как правило, не-деятели или другие деятели, которые испытывают интеллектуальный и духовный голод.

Как правило, экзо-деятели, работающие в науке или образовании, плохо приспособлены к социальным условиям жизни. Они склонны к умеренному образу жизни и предпочитают вести альтернативные поиски в науке. И главное для них — личностная автономия и условия для индивидуального творчества как предпосылки, необходимые для самореализации. Поэтому, чтобы раскрыть творческий потенциал экзо-деятелей, нужны другие деятели, выступающие в качестве их посредников и помощников.

Как видите, Мадина Владимировна, я специально для Вас сконструировал отдельную социальную категорию. К ней я отношу не только Вас, но и А.А. Пелипенко, а также некоторых других наших коллег. Но Вы можете предложить в ответ свой вариант категоризации.

М.В.: Полагаю, что Ваша схема гораздо симпатичнее и оригинальнее дежурной пролиферации средних классов. Что касается меня, я вообще против любых катего-

ризаций, поскольку думаю, что раскладывание по полочкам всегда есть некоторое упрощение. Иначе как бы мы с А.А. Пелипенко (антиподы) ухитрились попасть в одну категорию?!

Что касается интересов социальных групп, я не думаю, что я стремлюсь или претендую на то, чтобы представлять вообще какие-либо групповые интересы. Я в это не играю, если можно так выразиться. Я – кошка, гуляющая сама по себе. Это, если говорить о практике, а в теории я – с гуманитариями критического толка, которые тоже не играют в стаи и присвоение их государством или корпорациями. Я за независимость во всех смыслах! Если говорить не только о науке, то я с социальными движениями, с политическим обществом, с такими явлениями как сапатисты, движение пищевой суверенности, мировой социальный форум.

С какой социальной группой я связываю свои жизненные планы и шансы – это понятия тоже не из моего лексикона. Я так вообще не мыслю, и не стану с некими группами связывать свою самореализацию. Что делать, коллективизм мне чужд, сколько себя помню. Особых жизненных планов у меня нет, если честно, потому что я давно утратила веру в то, что в этой стране такому человеку, как я, можно вообще реализоваться именно в социальном смысле, хотя я не уверена, что такая реализация необходима или даже важна. В силу стигмы нашей страны, которая припечатывает всех нас, уехать куда-то и получить действительно приличную работу тоже не возможно, если не иметь связей.

Что же остается? Уходить в творчество, которое никто не поймет. Я давно живу в своем мире, и по большому счету стараюсь в окно не глядеть. И еще пришло какое-то глубинное чувство, что все не важно, вся эта суета, возня, что в любую эпоху человек достигает того, чего ему предназначено достичь. Его не будут печатать, а он будет писать в стол. У него отберут ручку, а он будет думать. Даже если его совсем уничтожат, все равно душа его бессмертна. А времена и эпохи – это частности, досадные детали.

Ю.М.: Ну не стоит в таких грустных тонах рисовать свое будущее. Вы – состоявшаяся личность и признанный исследователь. У Вас еще многое впереди. И, кстати, такой человек, как Вы очень даже будет востребован в нашей стране, история которой еще не заканчивается нынешней эпохой. Время обязательно расставит все точки над «и». И сегодня Вы находитесь на своем месте, представляя отечественных гуманитариев за рубежом. Российскому научному сообществу очень нужны альтернативные исследовательские группы, программы и подходы.

Мадина Владимировна! Мы с Вами имеем опыт работы в российских вузах. Как известно, сегодня высшая школа переживает не самый лучший период в своей жизни. Завершается так называемая реформа. Из вузов ушел дух науки и академических свобод. Они превратились в огромных бюрократических монстров, где чаще всего руководящая верхушка совершенно оторвана от нужд большинства преподавателей и студентов, продолжая заниматься проблемами собственного выживания, а не стратегиями развития своих учреждений.

Во многих вузах возобладал феномен двойной (или двойственной) системы правил. Одни правила предлагаются исполнителям – преподавателям и специалистам, совершенно другие – для руководящего звена. Столь же разительно отличаются и материальные условия их существования. И этот социальный раскол произошел внутри многих вузов. Часть из них, не пойдя на структурную реорганизацию, в т.ч. серьезное сокращение руководящей верхушки, навязывает своим структурным подразделениям и препо-

давателям «рыночные» правила игры: вы должны не только профессионально преподавать, обеспечивать высокое качество обучения, но и сами зарабатывать деньги, привлекая в свои сети всё новые и новые группы абитуриентов.

Что Вы думаете по этому поводу? Можно ли сохранить в университете академическую составляющую при нарастании тенденций рыночной бюрократизации и превращения фигуры профессора, преподавателя в своего рода сервис-менеджера, который вынужден искать себе клиентов и обслуживать любого, даже самого незадачливого, но коммерчески выгодного студента, пренебрегая порой профессиональными ценностями и чувством собственного достоинства?

М.В.: Думаю, что все же можно попробовать это сделать, хотя силы и неравны и перспективы у профессуры по всему миру далеко не радужные. В нашей же стране налицо процесс быстрого сворачивания сферы высшего образования в целом — обеспеченные люди, как известно, давно посылают детей учиться за границу, а остальным — в этой чудовищной логике — вообще не обязательно учиться. Что можно делать при условии вменяемого руководства, а это само по себе огромная проблема? Например, делать не только массовые курсы и дежурные программы, на которые идет серость с тугими кошельками и без фантазии, но и штучные уникальные программы, особенно магистерские, которые привлекут более талантливых и нестандартно мыслящих студентов.

Ю.М.: И, наконец, последний вопрос. Мадина Владимировна! С чем Вы выходите в студенческую аудиторию? Какие идеи и смыслы Вы несете молодому поколению гуманитариев? В чем состоит Ваша собственная гуманитарная миссия в науке и образовании?

М.В.: Этот вопрос не такой простой, как может показаться на первый взгляд. Дело в том, что в студенческой аудитории в России я — одно, в других странах, куда меня приглашают преподавать — совсем другое. Поясню: прочитав мои статьи и книги, совершенно незнакомые люди находят мой электронный адрес и пишут мне письма, приглашая в научные проекты, а иногда и приехать и прочитать курс лекций. Здесь все понятно и нормально, логично, если можно так выразиться. У меня есть некая позиция как у исследователя, я ее в довольно радикальной форме отстаиваю и те, кому это интересно, приглашают меня поделиться со студентами — испанскими, американскими, немецкими, польскими, словенскими и т.д. С ними у нас потом продолжается, как правило, диалог.

А вот в России всё не так просто, потому что я работала на кафедре, которая совершенно не соответствует той научной парадигме или модальности, в рамках которой я существую. Соответственно, присутствовал жесткий учебный план, в рамках которого мне доставались курсы, предметы и научную логику которых я также не разделяла, но должна была ей хотя бы минимально соответствовать.

Наконец, тот круг студентов, магистров и аспирантов, с которым мне приходилось иметь дело, также был очень далек от интересующей меня проблематики. Она им не близка, поскольку в собственном опыте они с этим не сталкивались, а в образовании царит европоцентризм и ложная объективность и отвлеченность универсалистских конструктов, которые далеки от реальности. Навязывать же подобные вещи насильно, мне кажется, нельзя. Это должно где-то и как-то отозваться в самом человеке сначала, чтобы ему стало интересно этим заниматься. Это, кстати, еще одна причина моего постепенного перехода на английский...

Так что в нашей стране я остаюсь совершенно невостребованной в своей основной научной ипостаси, за которую меня ценят за границей. Но даже не имея возможности преподавать прямо и честно то, что мне интересно и во что я верю, я могу курс по философской компаративистике выстроить так, чтобы попытаться пробудить у студентов критическое мышление, привить вкус к саморефлексии, к исследовательскому модусу, вместо заучивания фактов и приобретения стойкой лояльности к власти. А это можно сделать даже, если преподаешь курсы, по определению противоречащие твоим установкам.

По существу речь идет о постоянной деконструкции тех дисциплин, которые мне приходится преподавать, об обнажении их идеологических и иных оснований. Наверное, это можно с некоторой натяжкой определить как «гуманитарную миссию». Естественно, я не говорю об очевидных вещах — об этической ответственности за то знание, которое мы транслируем, о ценностях, которые мы, так или иначе, несем. Но я глубоко уверена, что научить этому всему нельзя, что воспитательный процесс должен быть не назидательным, не вещающим истину, что можно и нужно, прежде всего, вести себя определенным образом, соответствовать собственным установкам и в науке, и в жизни, а студенты сами уже разберутся, сами считают эту информацию и сами сделают свой выбор, не надо им ничего навязывать!

Ю.М.: Мадина Владимировна! Я уверен, что Ваш студент обязательно появится. Время сейчас сумбурное. Не только Вы являетесь невостребованной сегодня, но и весь профессиональный профессорско-преподавательский корпус страны. И это — один из результатов той катастрофы, о которой мы с Вами говорили в начале диалога.

Спасибо, Мадина Владимировна! Успехов Вам на ниве творчества и до новых встреч!

ЛИТЕРАТУРА

1. Гордон Л. «Философия, наука и география африканского разума» // «Личность. Культура. Общество», Том XII, Вып. 2 (55-56), 3 (57-58), 2010.

2. Plostanova M., Mignolo W. *Learning to Unlearn: Decolonial Reflections from Eurasia and the Americas*. Columbus, Ohio: Ohio State University Press Transoceanic Series.